

ЕВА АРДЕН

НЕСУЩИЕ СТЕНЫ

Современный любовный роман

18+

18+

Ева Арден

Несущие стены

«Автор»

2026

Арден Е.

Несущие стены / Е. Арден — «Автор», 2026

Кира Громова возвращается в родной город, чтобы спасти старый дом на Тацкой — место, где остались воспоминания о матери и целая жизнь его жильцов. Но трещина в стене оказывается опаснее, чем кажется, а инженер Лев Чернов не собирается обещать людям спасение без доказательств. Она привыкла бороться. Он — отвечать за каждую подпись. Их споры становятся всё острее, пока взаимное раздражение не уступает притяжению, которому оба боятся довериться. Архивные документы ведут к ремонту девятилетней давности и решениям, о которых не хочется вспоминать. Когда правда угрожает и дому, и их хрупкому сближению, Кире и Льву придётся решить, можно ли построить любовь там, где доверие уже дало трещину.

© Арден Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трещина	6
Глава 2. Правила доступа	13
Глава 3. Чужая подпись	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ева Арден

Несущие стены

ЕВА АРДЕН

НЕСУЩИЕ СТЕНЫ

Современный любовный роман

18+

Рукопись для литературной редакции

Глава 1. Трещина

Кира узнала дом по запаху раньше, чем увидела его за мокрыми каштанами. Пыль нагретых батарей, яблочная кожура, которую кто-то сушил на подоконнике, и слабая аптечная горечь из бывшей комнаты консержки. В детстве ей казалось, что у каждого дома есть свой голос. На Ткацкой, семнадцать, он состоял из хлопанья дверей, коротких переговоров сквозь лестничный пролёт и звука ложечки о край стакана. Теперь к этому прибавилось сухое потрескивание, похожее на то, как рвут толстую бумагу.

Кира подняла голову. Над второй лестничной площадкой с потолка медленно осыпалась белая пыль.

— Отойдите от стены, — сказал за её спиной незнакомый мужчина.

Она уже собиралась ответить, что знает здесь каждый выступ, когда мужчина поставил между ней и стеной свою сумку и показал на диагональный след, уходящий из-под подоконника в угол.

— Эта трещина была вчера? — спросил он.

— Я приехала десять минут назад.

— Значит, начнём с того, чего вы не знаете. Не стойте под перемычкой.

Голос был низкий, будничный. Мужчина в тёмной рабочей куртке не походил ни на чиновника, ни на представителя строительной компании. Лет тридцать семь, коротко остриженные волосы с ранней сединой на висках, усталое лицо человека, который разучился удивляться плохим новостям. На ремне сумки болтался складной метр. Из кармана торчал маленький блокнот, весь в бумажных закладках.

— А вы, вероятно, из тех, кто сообщает людям плохие новости, не называя своего имени?

Он поднял взгляд.

— Лев Чернов. Инженер-конструктор. Вы Кира Громова?

Значит, уже знали. Её возвращение оказалось не таким тайным, как предполагалось.

— Верно. Кто вам сказал?

— Анна Яковлевна. Она предупредила, что вы возражаете против сноса, ещё до того, как вы успели приехать.

— Я возражаю против заключений, которые пишут под заранее выбранное решение.

Лев не улыбнулся.

— Тогда у нас есть общая тема. Я возражаю против решений, которые принимают без заключений.

Сверху хлопнула дверь. Маленький мальчик в зелёной шапке проскользнул мимо перил, будто ступени были частью знакомой игры. Лев успел перехватить его за рукав не грубо, но крепко.

— Миша. По другой лестнице. Мы договаривались.

— Там пахнет краской.

— Это лучше, чем быть под штукатуркой.

Мальчик закатил глаза, однако пошёл в обход. Лев проследил за ним, только потом повернулся к Кире. В этом движении не было показной заботы, и потому она раздражала её сильнее, чем если бы инженер изображал спасителя.

— Мне нужна Анна Савельева, — сказала Кира.

— Первый этаж, налево. Но туда лучше пройти через двор.

— Я знаю дорогу.

— Речь не о дороге.

Он достал из сумки красную ленту и перекрыл пролёт. На секунду Кира увидела, какой неприступной может быть чужая уверенность, если у неё в руках есть рулетка и право запрещать.

* * *

На кухне Анны Яковлевны пахло укропом, мокрыми варениками и крепким чаем. Вокруг стола сидели пятеро жильцов. Под окном стояла коробка с фотографиями подъезда: праздники, общие субботники, летний стол во дворе, лица молодых людей, давно уехавших. Кира не задержала взгляд на снимке матери. Пока не могла.

— Вот она, наша столичная совесть, — сказала Анна Яковлевна, обнимая её обеими руками. — Ты похудела.

— Вы мне говорили то же самое в семнадцать.

— И была права. Садись.

Анне было шестьдесят шесть. В прошлом диспетчер городской телефонной станции, она умела перебивать человека так, что тот внезапно начинал чувствовать себя услышанным. Рядом сидела Тамара Шахова, медсестра из детской поликлиники; она держала телефон экраном вверх — ждала звонка из школы. Сергей Костин, седой и молчаливый, разложил перед собой пожелтевшие квитанции за капитальный ремонт.

— Говорят, нас хотят расселить по всему городу, — сказала Тамара. — На Литейную, в Набережный, куда получится. Мне до работы потом полтора часа. А Мишу в какую школу? Здесь он пешком ходит.

— Переселение ещё не утверждено, — ответила Кира.

— Но предписание-то есть, — возразил Сергей.

Анна придвинула ей листок со штампом жилищного управления. Кира прочла внимательно, без привычного желания сразу найти в тексте ошибку. Ничего похожего на приказ о немедленном сносе там не было. Было требование обеспечить доступ обследователям, ограничить пользование частью лестницы и подготовить временные помещения для жильцов, если состояние ухудшится. И фраза об «экономической нецелесообразности восстановления», к которой не прилагалось ни расчётов, ни проектных вариантов.

— Вот это можно оспорить, — сказала она, постучав пальцем по последнему абзацу. — А вот это, — указала на опасный пролёт, — нельзя игнорировать. Нам нужны данные, а не митинг у трещины.

— У нас уже был митинг, — призналась Анна. — Вчера. Не самый удачный.

— Что случилось?

— Сергей назвал инженера могильщиком. Инженер сказал, что метафоры не укрепляют фундамент.

Сергей кашлянул.

— Я его слова запомнил.

Кира откинулась на спинку стула. В кармане пальто хрустел билет из Москвы. Её командировка на десять дней была согласована с бюро, где она работала консультантом по историческим кварталам; начальница разрешила отложить один проект, но не обещала, что на работе будут ждать вечно. Она приехала не совершать подвиг. Приехала, потому что три недели назад Анна прислала фотографию стены у бывшей маминой комнаты и написала: «Они хотят, чтобы мы исчезли по одному».

Мать Киры, Лидия Громова, больше тридцати лет вела здесь маленькую библиотеку обмена книгами, помогала писать жалобы и собирала подписи, когда двор пытались превратить в платную парковку. Она умерла три года назад. На похоронах Кира торопилась вернуться на работу, потому что в столице горел срок подачи конкурсного проекта. До сих пор вспоминала это не как служебную необходимость, а как свой неумелый способ избежать пустой квартиры.

— Для начала я добьюсь копий всех актов, — сказала она. — И встречаюсь с инженером.

— Ты уже встретила, — заметила Анна по лицу Киры. — Красивый, да? Только проку с этой красоты.

— Я не оцениваю строителей по лицам.

— А зря. Иногда по лицу видно, что человек сам с собой не в мире.

* * *

До заседания оставалось два часа, и Кира поднялась в старую мамину квартиру — не потому, что там было что-то нужное для дела, а потому, что откладывать посещение дальше казалось уже смешным. Дверь открылась с прежним упрямым щелчком. Анна присматривала за комнатами после смерти Лидии, иногда здесь ночевали приезжие родственники жильцов, и пыль не успела покрыть мебель толстым слоем. На спинке стула висел клетчатый плед. Кира взяла его за угол и сразу вспомнила, как мать заворачивалась в него, когда засиживалась с библиотечными карточками.

Телефон зазвонил прежде, чем она дошла до окна. Звонила московская начальница, Екатерина Вельская.

— Я видела письмо о продлении командировки, — сказала та. — Кира, ты ведь понимаешь, что конкурсное предложение по набережной нельзя положить в холодильник до твоего возвращения?

— Понимаю. Чертежи у Максима, замечания заказчика я получила.

— Ты нужна на защите. Мы выбирали тебя не для того, чтобы кто-нибудь другой объяснял заказчику твою концепцию.

Кира посмотрела на двор. Внизу Тамара расправляла мокрую простыню на верёвке, хотя дождь явно собирался снова. Её сын помогал, встав на перевёрнутое ведро.

— Здесь у людей хотят забрать дом без рассмотрения альтернатив, — сказала Кира. — Я могу помочь.

— Не спорю. Но ты можешь помогать так, чтобы не разрушать всё остальное. Мы платим тебе не за готовность погибнуть в любом благородном деле.

— Не драматизируй.

— Это ты драматизируешь. И когда-нибудь обнаружишь, что не всякий пропущенный срок доказывает принципиальность.

Екатерина отключилась после короткого обещания прислать график. Кира стояла с телефоном в руке, сердясь на то, что слова были не совсем несправедливы. Она умела браться за чужую неотложность с энергией, которой никогда не находила для собственной жизни. Возможно, потому, что в чужом бедствии всегда существовала понятная задача: приехать, прочитывать, оспорить, сделать. В обычной жизни никто не выдавал заданий на умение не откладывать важный разговор.

В книжном шкафу стоял альбом с фотографиями. На первом листе — мать у здания ещё до ремонта: её волосы собраны в платок, она смеётся, держась одной рукой за тяжёлую дверь. Позади виден узкий проход, который позже расширили для колясок. На другой фотографии Кира, лет двенадцати, стоит у окна с самодельной газетой «Новости Ткацкой»; заголовок выводила красным фломастером. В самой газете она торжественно требовала запретить соседям выбрасывать книги, не спросив детей, и устроить во дворе качели. Рядом мать написала: «Редактор не признаёт права на возражение».

Кира усмехнулась сквозь внезапную боль. Даже тогда её любили не за безошибочность. Скорее вопреки настойчивому желанию всё исправлять.

Она взяла с полки небольшую жестяную коробку. Там хранились запасные ключи, старые билеты и письма. Среди них лежала открытка, отправленная из Москвы пять лет назад. На её обратной стороне она сама написала: «Мам, в следующий раз обязательно приеду к твоему дню рождения». Следующего раза не было. Кира вернула открытку на место. Она приехала защищать стены, но пока не понимала, от чего именно пытается защитить собственную память.

В дверь постучали. Это была Тамара с Мишей; в руках у неё лежала маленькая коробка из-под обуви.

— Анна сказала, здесь можно оставить лекарства, пока не решено, куда нас перевозят, — объяснила она. — В нашей комнате сегодня собираются смотреть штукатурку. Я не хочу, чтобы Миша увидел, как чужие мужчины двигают его кровать.

— Конечно, — сказала Кира, отодвигая стул. — Пусть лежит здесь.

Миша присел на ковёр и принялся рассматривать старый альбом, найденный на нижней полке. Через минуту он спросил:

— А вы тут жили?

— Пока не поступила в институт.

— Значит, вы тоже уехали отсюда?

— Да.

— И тогда дом не пропал?

Кира открыла рот, чтобы ответить, но мальчик уже переворачивал страницу. Ему не требовалась философия; он всего лишь хотел понять, почему взрослые говорят о переезде так, будто тот равен исчезновению. Тамара присела рядом с ним, помогла расправить фотографию.

— Миша волнуется за школу, — объяснила она, когда сын увлёкся альбомом. — Я стараюсь не говорить об этом при Анне. Она ведь думает, что мы все обязаны остаться любой ценой.

— Анна многое говорит, — сказала Кира. — Но в конечном счёте вам решать.

— А правда, что кирпичи можно укрепить? В новостях показывали, как старый вокзал подняли домкратами.

— Иногда можно. Нужно обследование.

— Я хочу услышать это от человека, который не боится назвать цену. Потому что каждый раз, когда кто-то говорит «ради детей», я понимаю, что скоро попросят потерпеть.

Кира посмотрела на неё внимательнее. Тамара была всего на несколько лет старше, но говорила с осторожностью человека, привыкшего рассчитывать смены, лекарства, школьные каникулы и непредвиденные расходы в одной таблице. Её дом не был абстракцией, которую легко поместить в проект. Он был частью ежедневной организации жизни, где каждое новое автобусное пересечение имело цену.

— На заседании я подниму вопрос о размещении семей рядом со школой, — пообещала Кира.

— Не нужно обещать то, что не вы решаете, — ответила Тамара. — Просто не дайте им забыть, что у нас есть дети и работа.

Кира кивнула. По неожиданной строгости этой просьбы она поняла, что и жильцы могут не нуждаться в той роли, которую она сама себе придумала.

* * *

Через час в кабинете районного управления Кира впервые слышала, как Лев говорит не с одним человеком, а с теми, кто привык называть решения «процедурой». За длинным столом сидел Олег Бекетов, заместитель начальника жилищного управления, и женщина из отдела размещения, которая бесконечно поправляла стопку бланков. Лев стоял у доски с планом дома. Не выступал. Отвечал на вопросы.

— По предварительному осмотру просадка проявляется в зоне западного лестничного узла, — сказал он. — Причина без вскрытия не установлена. Нагрузка на участок должна быть ограничена сегодня, не после заседания. Полное техническое решение — только после обмеров и локального вскрытия.

— Но вы ведь подписали заключение о небезопасности? — спросила Кира, когда ей дали слово.

— Я подписал предварительное уведомление о признаках опасного состояния.

— В обиходе это уже превратилось в «дом под снос».

— В обиходе много чего превращается во что угодно. Мои формулировки в документе. Кира разложила распечатанные фотографии соседних фасадов.

— Дом является частью исторической застройки Ткацкой. Есть варианты ремонта с сохранением несущего контура, частичного расселения, усиления. Их рассматривали?

Бекетов ответил раньше Льва:

— Деньги на вариантную экспертизу не предусмотрены. У нас в городе двенадцать аварийных объектов. Для этих людей важнее не история фасада, а безопасность.

— Эти люди здесь, — сказала Кира, обернувшись к Анне и Тамаре. — И они не просили вас выбирать между жизнью и адресом вместо них.

— Если конструкция рухнет, выбора не будет, — тихо произнёс Лев.

Она повернулась к нему.

— Вы всякий раз говорите так, будто любой вопрос означает согласие похоронить жильцов под стеной.

— Нет. Я говорю так, потому что у стены нет намерений. Она не знает, что её любят.

На секунду в комнате стало слишком тихо. Бекетов открыл рот, затем передумал. Даже Анна Яковлевна перестала стучать ногтем по столу.

Кира хотела ответить резко, но заметила схему: Лев отдельно отметил безопасный пока восточный подъезд и предложил вывести людей из западных квартир в соседние свободные муниципальные помещения без потери права на постоянное жильё. Он не требовал снести всё немедленно. Он отказывался обещать, что опасности нет.

— Какой срок для дополнительного обследования? — спросила она.

— Если дадут доступ и старую техническую документацию, десять рабочих дней, — ответил он.

— А если не дадут?

— Тогда жильцы останутся без ответа.

Бекетов нехотя согласился на обследование при участии одного уполномоченного представителя собственников, срочное ограничение прохода и предоставление архивных материалов. Кира настояла, чтобы это записали в протокол. Лев настоял, чтобы там появилась обязанность не допускать детей на опасную лестницу. Они подписали один лист с противоположных сторон стола и даже ручками разного цвета.

* * *

В кабинете Кира заметила ещё одну вещь, не связанную непосредственно с протоколом. Пока Бекетов объяснял сроки и сметы, женщина из отдела размещения тихо подсовывала ему листы с пометками жильцов: «не разлучать с сыном», «без лестниц», «нужен холодильник для лекарства». На каждой стояли чужие фамилии, написанные быстро и неразборчиво. Эти бумаги были менее красивыми, чем её распечатки с фасадами, зато последствия их потери наступили бы гораздо раньше.

— Можно получить копию списка потребностей? — спросила Кира на выходе.

Сотрудница подняла глаза.

— Только с согласия самих семей. Здесь есть личные сведения.

— Я могу собрать разрешения.

— Тогда соберите. А ещё предупредите людей, что одинаковые предложения мы дать не сможем. Я не хочу, чтобы они узнали это уже на лестнице с чемоданом.

Кира впервые за заседание поблагодарила чиновницу без скрытого упрёка. Та выглядела удивлённой.

Когда они с Анной вышли в коридор, старшая женщина сказала:

— Ты теперь и их слушать собираешься?

— Собираюсь слушать всех, у кого есть сведения. И тех, кто со мной не согласен.

— Дурная работа. Устанешь.

— Уже устала.

Анна неожиданно обняла её за плечи. На секунду Кира снова стала девочкой, которую после школьного спектакля ведут домой, обещая горячий чай и ругая за забытые вареники. От этих знакомых простых движений ей стало одновременно легче и тревожнее: люди доверяли ей не за опыт московских проектов, а потому что помнили всю её жизнь, включая самые нелепые ошибки.

* * *

Пока чиновники готовили протокол, Кира вышла на улицу. Через дорогу от управления начинался квартал новостроек. Вместо бывшей ткацкой мастерской там стояла стеклянная галерея с магазинами и аккуратной подсветкой; по ней проходили люди, не замечая старого кирпичного корпуса позади. Город менялся не по приказу одного злодея и не ради одной вывески. Когда-то Кира сама разрабатывала проекты, которые требовали закрыть здания, сохранить лишь отдельные детали и согласиться, что новое использование иногда важнее старого. Теперь она стояла по другую сторону подобных решений и обнаруживала, сколько людей в них не помещается.

В маленькой пекарне на углу продавщица узнала её фамилию.

— Вы Лидина дочь? — спросила женщина, протягивая бумажный пакет. — Мать ваша приносила детям книги, когда у нас ещё окошко не закрывалось.

— Да, я Кира.

— Передайте Анне: если им опять нужен чай для собрания, пусть берут у нас кипяток. Только насчёт сноса не зовите меня на митинг. Мы зимой без прохода к пожарному выезду остались, пока дом ограждали.

— Вам мешало ограждение?

— Всем мешало. И жильцов жалко, и мимо опасного фасада страшно ходить. Нет такого решения, чтоб никому не было хуже, наверное.

На обратном пути Кира остановилась перед муниципальной доской объявлений. Там висели листки о перераспределении маршрутов автобусов, ремонте школы и конкурсе на озеленение набережной. Она подумала о своей работе в Москве: как уверенно на презентациях выглядит слово «пользователи», когда за ним спрятаны десятки несовместимых желаний. Возможно, главное испытание сегодняшнего дня состояло не в том, чтобы выиграть словесную дуэль у Льва, а в том, чтобы не замаскировать чужие разногласия эффектным выступлением.

На углу она увидела пожилого дворника, подметавшего листья перед закрытым входом в бывшую контору. Он не пытался убрать их раз и навсегда: ветер приносил новые с той же стороны. Кира остановилась, глядя на эту бессмысленно необходимую работу. Городу никогда не удаётся закончить заботу о себе окончательно. Возможно, и её собственная задача состояла не в единственном спасительном решении, а в том, чтобы люди получили возможность продолжать спорить, чинить и договариваться, когда она уедет.

* * *

Когда заседание закончилось, дождь превратил ступени управления в блестящую ловушку. Кира стояла под козырьком и звонила в московское бюро, где её коллега уверяла, что демонстрационные планшеты сами себя не перепечатают. Она обещала закончить правки ночью и прервала разговор, когда увидела Льва.

Он держал в руках сложенный план, защищённый прозрачной папкой.

— Вы не обязаны со мной разговаривать, — сказала Кира.

— Обязан. Вас утвердили представителем жильцов.

— Это уже звучит как наказание.

— Наказание — искать документы за девять лет среди коробок без описи. Я начинаю завтра в восемь.

— Я тоже.

Он протянул ей запасной защитный шлем.

— У меня есть свой, — солгала она.

— Тогда этот оставлю для человека, у которого его нет.

Лев хотел уйти, но Кира спросила:

— Вы действительно считаете, что дом не спасти?

Он задержался на верхней ступени.

— Я не знаю. Поэтому и не разрешаю никому стоять под той перемычкой.

— А если окажется, что он пригоден к ремонту?

— Я напишу это первым.

— А если нет?

— Надеюсь, вы поможете мне сказать жильцам правду.

— Даже если после этого они перестанут мне верить?

— Особенно тогда.

Под дождём он выглядел человеком, с которым невозможно будет договориться в привычном смысле — сделать вид, что нужная всем вещь уже доказана. Кира терпеть не могла таких людей. И всё же, когда Лев вышел к дороге, она заметила: он обошёл лужу, возле которой мать с коляской тщетно пыталась забраться на высокий тротуар, вернулся и молча помог поднять передние колёса. Только после этого пошёл дальше.

* * *

Вечером Кира осталась в бывшей библиотечной комнате. Из коридора доносились голоса, соседи переносили коробки из западных квартир, сверяли ключи, спорили о том, у кого переночует Сергей. Дверь иногда открывали без стука — здесь никто так и не усвоил столичной привычки заранее предупреждать о своём появлении.

На нижней полке лежал ящик с мамиными бумагами. Кира нашла старые списки книг и большой конверт, на котором было написано «Ткацкая, 17. Планы. Не выбрасывать». Под сургуточно-коричневым скотчем находился сложенный лист с изображением первого этажа: тонкие линии, клетки осей, примечания от руки. В правом нижнем углу — дата: август, девять лет назад.

Она развернула его на полу. В месте, где теперь пошла трещина, красным карандашом было обведено нечто похожее на короткий прямоугольник. Рядом — маминым почерком: «По проекту — опора. После ремонта проверить».

Кира не была инженером. Она знала достаточно, чтобы не делать выводов по одной схеме. Но мать, которая помечала даже перегоревшие лампы на лестнице, не писала таких слов без причины.

За окном мигнул фонарь. На лестнице кто-то засмеялся, потом смех оборвался от окрика Анны. Кира сфотографировала лист, аккуратно сложила и положила в сумку.

Завтра она покажет его Льву, решила она.

Затем ещё раз посмотрела на фразу «после ремонта проверить» и вспомнила, как легко чужая честность может превратиться в приказ покинуть свой дом.

Она застегнула сумку, не приняв окончательного решения.

Глава 2. Правила доступа

На следующий день Лев опоздал на семь минут. Кира специально проверила часы дважды: раз уж человек назначает встречи так, словно выдаёт распоряжения, ему полезно знать, что мир способен существовать без его точности.

Он пришёл с термосом, двумя фонарями и коробкой бахил, а на вопрос об опоздании ответил:

— Забирал прибор. У него нет телефона, чтобы предупредить вас.

— У прибора?

— У человека, который его выдаёт. Ему восемьдесят два. Я не стал просить его торопиться.

Кира не нашла подходящей реплики. Они вошли во двор через арку. Ночью кто-то натянул над аварийным пролётом яркую сетку, и теперь дом выглядел как пациент с нелепой повязкой. У мусорных баков Анна руководила переселением: через её кухню проходили списки временного размещения, запасные одеяла и все городские слухи.

— Я договорилась с Тамарой: Миша пока у меня, — сообщила она. — У Сергея газ отключили из-за стояка. И ещё тут пришли фотографы. Хотят сняться на фоне страдания.

— Попросите их не входить внутрь, — сказал Лев.

— А вы попросите трещину не расти. Нам всем станет легче.

Кира не удержалась от улыбки. Лев, кажется, тоже: у него чуть заметно дрогнул левый угол рта.

В подвал они спустились по узкой служебной лестнице. Там пахло влажным кирпичом и металлической пылью. Своды были низкими, фонарь отбрасывал на стены тени труб. В нескольких местах штукатурку уже сняли, обнажив швы разной толщины. Лев опустил на корточки у колонны и приложил измеритель к кирпичной кладке. Кира держала свет, пока он записывал цифры.

— Не направляйте фонарь на прибор, — попросил он. — На стык, под трубой.

— Вы могли бы сказать «пожалуйста».

— Пожалуйста, на стык под трубой.

— И спасибо.

— Спасибо. Мы продвинулись к первому замеру, как взрослые люди.

Его сухая интонация её почти рассмешила. Лев сделал отметку мелом.

— Видите, кирпич другой? — спросил он.

— Более рыжий.

— И кладка свежее. Здесь что-то закладывали после основного строительства. Есть следы анкеров, но по ним нельзя сказать, что именно стояло.

— В доме делали ремонт девять лет назад.

Он поднял голову слишком быстро. Всего одно короткое движение. Если бы Кира не следила за ним с самого утра, пропустила бы.

— Кто вам сказал?

— Жильцы. Тут когда-то было окно выдачи библиотеки, потом его расширили. Мать моя оформляла обращения.

Лев записал что-то в блокнот, надавив карандашом сильнее, чем требовалось.

— Запросим акты.

— Они должны быть у вас?

— Они должны быть в архиве. Это разные вещи.

— Лев, вы работали в городе тогда?

Он ответил не сразу.

— Работал. Не в этом бюро.

Тишина между ними стала материальной, как холодный воздух под сводом. Кира вспомнила конверт в сумке. Показать? Она могла бы сейчас вынуть схему, задать вопрос о пометке матери и, возможно, получить ответ. Но Лев уже выключал прибор, и она позволила себе отложить разговор до тех пор, пока не поймёт, кем он был девять лет назад.

* * *

К полудню их замеры занимали три страницы. Кира несла план второго этажа, когда из комнаты бывшей библиотеки донеслись звуки пианино. Ноты были нестройные, у инструмента явно западала клавиша. В дверях стоял Сергей Костин. Он играл двумя пальцами мелодию, которую Кира помнила по школьным утренникам.

— Давно не слышала, — сказала она.

Сергей не обернулся.

— Лидия хотела его отдать в музыкальную школу. Потом решили, пусть остаётся. Ребятишкам не нужно разрешение, чтобы нажать клавишу.

Лев остановился рядом. Его взгляд скользнул по обложкам на самодельных полках, спискам дежурств, старым афишам. В стену был вбит гвоздь с висящим на нём ключом, подписанным «от общего». Кира почувствовала почти детское желание объяснить ему всё сразу: почему у стола ножки разных цветов, как мать каждую зиму устраивала здесь обмен семенами, почему в углу висел чужой школьный диплом. Вместо этого сказала:

— Здесь раньше был проход в соседнее помещение. Восемь лет назад его заложили.

— Девять, — машинально поправил Лев.

— Вы уверены?

Он посмотрел на стену.

— Разница существенна для документов.

Сергей закончил играть и поднялся.

— Бумаги у вас будут, — сказал он. — Только мне объясните одно: если дом не выдерживает людей, почему всякий раз, когда сюда приезжают большие люди, их он выдерживает?

Лев выслушал вопрос всерьёз.

— Потому что он не различает людей, Сергей Петрович. Его нагружают перекрытия, вода, переделки. И срок службы. А не чины.

Сергей поджал губы, но не отвернулся.

— Жаль. Было бы справедливее, если б различал.

Пока они выходили, Кира увидела, как Лев отвёл дверь, чтобы Сергей пронёс переносной стул, и дождался, пока мужчина опрётся на перила. Рядом с резкими формулировками этот навык был почти невидим: он не делал из заботы событие.

— Вы всех жильцов знаете по имени? — спросила она.

— Кто живёт в зоне риска, знаю.

— А тех, кто вне зоны, не запоминаете?

— Тех, кто упрямее, запоминаю первыми.

— Тогда вы меня уже выучили.

— Увы, быстрее всех.

* * *

В городском архиве не топили. Архивистка в вязаном жилете вынесла им картонную коробку и подписала расписку так, словно брала на хранение их биографии. Кира фотографировала планы, Лев сравнивал штампы. Среди протоколов обнаружились счета на замену канализации, акт «восстановления отделки» и смета на устройство безбарьерного прохода к читальне. Ни одного расчёта на усиление несущих конструкций.

— Но проход расширили, — сказала Кира. — Значит, кто-то обязан был проверить, что над ним.

— Обязан, — подтвердил Лев.

— И где этот кто-то?

— Пока отсутствует вместе с актами.

Она отложила документы, борясь с раздражением. Лев писал заключения простым почерком: короткие слова, цифры, почти никакого исправления. Кира мысленно представляла у него дома точно разложенные носки и холодильник с подписанными контейнерами. От этой мысли ей стало смешно.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Подумала, что ваш завтрак, вероятно, пронумерован.

Он показал на свой термос.

— Чёрный чай. Пункт один. Бутерброд забыл. Пункт два выполнен неудовлетворительно.

Она открыла пакет с сырниками, которые Анна Яковлевна сунула ей перед уходом.

— Совет дома предлагает экстренную помощь проверяющему органу.

— Совет дома будет указывать количество сахарной пудры?

— Только если орган начнёт превышать полномочия.

Он взял один сырник, не касаясь её руки. Затеянная ею игра рассыпалась именно в этой сдержанности. Она не собиралась замечать расстояние между чужими пальцами и своими, но заметила.

В папке следующего года они нашли приписку от руки: «Приёмка условная. Контроль скрытых работ — по дополнительному акту». Строку визировал технический руководитель подрядчика Георгий Гребнев. В графе дополнительного акта оставалось пусто.

— Это важно? — спросила Кира.

— Это значит, что кто-то записал необходимость проверить сделанное. Проверил ли — другой вопрос.

— Вы знаете Гребнева?

Лев сложил бумагу по прежнему сгибу.

— Был моим руководителем.

На этот раз он не уклонился от ответа, и Кира поняла, насколько сильно ждала, что он уклонится.

— И вы ничего не говорили?

— Я пока не знаю, связаны ли эти работы с повреждением. Не хочу навязывать вам свою догадку.

— Мне или себе?

Он положил сырник обратно в пакет, не доев.

— Если бы я был уверен, я бы уже сказал.

Так закончился их первый почти дружеский обед.

* * *

На обратном пути из архива они зашли в районную техническую службу, где хранилась схема инженерных сетей. Диспетчер, широкоплечий мужчина по имени Пётр, узнал Льва и отнёсся к Кире с той осторожностью, с какой относятся к людям, уже попавшим в местные новости.

— Это вы тут про дом пишете жалобы? — спросил он.

— Жалобы пишут те, кому не дают документацию, — ответила Кира. — Я пока только прошу её показать.

— Разница для нашего начальства исключительно филологическая.

Он развернул план сетей. Под двориком проходил старый дренажный канал, давно исключённый из действующих схем. Часть его подземной трассы уводила к заложенному колодцу возле западной стены. Пётр не мог утверждать, существует ли канал физически: отметку о ликвидации сделали до его прихода на службу.

— А вы почему не показывали его раньше? — спросила Кира.

— Потому что за водопровод отвечаю, а не за память города. Документы лежат в шкафу, пока кто-то не назовёт нужный номер.

Лев сфотографировал схему и задал несколько уточняющих вопросов о последних утечках. Пётр ответил, что изношенная сеть течёт каждый сезон и тут нет ничего необычного. Кира заметила, как Лев подчёркивает в блокноте слово «колодец», но не стала спрашивать. Одного контура на схеме недостаточно, чтобы понять состояние фундамента, а она уже обещала себе не превращать каждую находку в обвинительный приговор.

На выходе они задержались возле старого стенда с фотографиями сотрудников службы. Лев указал на мужчину в форменной куртке.

— Мой отец. Водил аварийную машину почти сорок лет.

— Он ещё живёт здесь?

— На другом берегу. На пенсии. До сих пор считает, что лучшая профилактика — никогда не откладывать ремонт, даже если начальство просит подождать до понедельника.

— У вас семейная профессия?

— Почти. Он хотел, чтобы я стал врачом. Сказал: «Раз умеешь считать, считай пульс». Я пошёл в инженеры отчасти назло.

— И вам нравится?

Лев задумался.

— Когда выходит хорошая конструкция, никто о ней не говорит. Люди просто проходят по мосту, поднимаются по лестнице, не думают, что их держит. Мне нравится эта незаметность. Не нравится, когда её путают с безответственностью.

— Отец гордится?

— Да. Но спрашивает не о премиях, а о том, сколько людей теперь смогут пользоваться зданием. Это раздражало меня в двадцать пять. Сейчас иногда думаю, что он единственный правильно формулировал вопрос.

Кира вспомнила мать с её коробками книг. Даже при совершенно разных характерах их родители, возможно, поняли бы друг друга быстрее, чем они сами.

* * *

Они вернулись во двор как раз к небольшому семейному спору. Семья Крыловых, жившая в восточном подъезде, отказалась подписывать коллективное обращение. Анна пыталась объяснить им, что без общей позиции чиновники «растащат всех по углам». Вера Крылова держала в руках расписание автобусных маршрутов и явно чувствовала себя предательницей.

— Мы с мужем ждали отдельное жильё десять лет, — сказала она Кире. — У нас двое детей разного возраста, одна комната проходная. Если город предложит хорошую квартиру на другом берегу, я соглашусь. А мне говорят, будто после этого я забуду, кто носил мне суп после операции.

Анна прикусила губу.

— Я не так сказала.

— Вы сказали, что настоящие соседи не разбегаются. Что это, если не приговор?

Кира посмотрела на обеих. Ещё вчера она бросилась бы искать компромиссную подпись или дополнительное условие, чтобы никого не потерять в списке сторонников. Сегодня впервые услышала, насколько несправедливым бывает само требование единства.

— Вера, вы имеете право на отдельный вариант, — сказала она. — Ничего не подписывайте, пока не получите письменное предложение с адресом и условиями. Можно участвовать в защите дома от ошибочного заключения, не обещая жить здесь до конца жизни.

— А вы что? — спросила Анна. — Теперь за расселение?

— Я за то, чтобы никто не решал за Веру, какая квартира ей нужна.

Старшая женщина отвернулась, но через минуту взяла у Веры листок с автобусами и спросила, есть ли рядом поликлиника. Разговор сразу стал менее красивым и гораздо полезнее.

Кира стояла чуть поодаль, когда Лев произнёс:

— Вы сейчас удивили Анну Яковлевну.

— И себя.

— Болезненно?

— Отвыкать от собственной правоты всегда больно. Но терпимо.

Он протянул ей схему, которую она забыла в диспетчерской.

— Кстати, на ней есть один участок, который придётся проверить. Старый дренаж под домом. Пока это лишь источник вопросов.

— Я постепенно учусь любить ваше слово «пока».

— С осторожностью. Оно часто требует повторного визита.

Она взглянула на часы. До следующего собрания оставалось полтора часа, а она не ела с завтрака. Лев без слов протянул ей яблоко из кармана. Румянец на одном боку был помят, как будто фрукт долго лежал среди приборов.

— Что это? — спросила Кира.

— Не техническое заключение. Просто яблоко.

Она взяла и впервые за день перестала смотреть на телефон.

* * *

К вечеру Лев и Кира вернулись в дом, чтобы уточнить план эвакуации на случай ухудшения состояния западного крыла. На лестнице уже висели временные указатели, распечатанные на обычной офисной бумаге. В углу одного листа Миша нарисовал стрелку с маленьким роботом. Кира улыбнулась, но Лев снял лист со стены.

— Это сделал ребёнок, — сказала она.

— Вижу. Но стрелка показывает на закрытый проход. Если выключится свет, кто-нибудь пойдёт за ней.

Он достал маркер, исправил направление и вернул лист на место, не зачеркнув рисунок.

— Теперь годится, — произнёс он.

Кира посмотрела на его руки. Он не отвергал детскую попытку помочь, только сделал её безопасной. Это была маленькая, но неожиданная модель их спора о доме, и она решила запомнить её, хотя вслух ничего не сказала.

Они прошли по восточной лестнице, отмечая, у кого есть ключи, кто сможет самостоятельно спуститься и кому потребуется помощь. Анна пыталась назначить ответственных приказом, как когда-то распределяла дежурства по подъезду. Лев остановил её.

— Нельзя ставить человека отвечать за другого, если он сам не согласился и не знает, что делать, — объяснил он. — Особенно ночью. Нужно, чтобы каждому было ясно, к кому обращаться, и чтобы помощь не задерживала общий выход.

Тамара вызвалась координировать звонки. Сергей попросил поручить ему выдачу списка телефонов: ноги подводили, зато он всегда помнил, где лежит бумага. Вера Крылова обещала в случае тревоги проверить дверь соседки с первого этажа, но честно сказала, что не сможет помогать на лестнице с двумя детьми.

— И не нужно, — ответил Лев. — Вы должны безопасно вывести детей.

Кира записывала всё без привычных комментариев о взаимопомощи. Здесь взаимопомощь не выглядела одним общим порывом. Она состояла из очень разных возможностей, ограничений и прямых слов.

У почтовых ящиков они столкнулись с Анниной сестрой Раисой, пришедшей забрать старые одеяла. Та посмотрела на Киру сурово.

— Ты девочку мою не вздумай уговаривать жить здесь, если ей опасно. Мы с ней под одной крышей не уживёмся, конечно, но я приму. Как-нибудь разберёмся.

— Анна Яковлевна сама будет решать, — ответила Кира.

— Ну хорошо. А то все вокруг говорят «ради соседей», будто соседи обязательно должны ждать беды под одной балкой.

Раиса ушла, громко жалуясь на ступеньки. Анна сделала вид, что не слышала, но на собрание больше не возражала против списка временных адресов.

Когда они закончили, Лев присел возле доски объявлений и приклеил схему выхода так, чтобы её могли прочесть с нижней ступени. Кира придерживала фонарик.

— В этом есть что-то издевательское, — сказала она. — Нам приходится объяснять людям, как покидать место, которое они называют домом.

— Если выход понятен, это не означает, что возвращения не будет.

— Вы верите в возвращение?

— Я верю в разумные условия для него. Или в достойную альтернативу, если этих условий нет.

Она поправила криво приклеенный угол листа.

— Невозможно спорить с вами, когда вы говорите спокойно.

— Попробуйте. Я переживу.

— Вы недооцениваете мою выносливость.

— А вы мою.

Они посмотрели друг на друга и одновременно отвели глаза. Кира заметила, как Лев спрятал в карман маркер, предварительно закрыв колпачок обеими руками. Этот бессмысленно точный жест неожиданно показался ей дорогим, и она рассердилась на себя за ненужное наблюдение.

По дороге к выходу она задержалась у старого зеркала между почтовыми ящиками. В стекле отражались облупленная краска, две фигуры в строительных касках и дверь, которую кто-то не успел закрыть до конца. Кира внезапно подумала, что, если убрать из этого отражения мужчину рядом, двор покажется ей значительно более пустым. Это было преждевременное, непрошеное чувство. Она предпочла назвать его усталостью и потребностью в помощи, хотя прекрасно знала, что ни одно из объяснений не вполне подходит. Лев тем временем складывал измерительные инструменты, не замечая её странной неподвижности.

* * *

Нина Ракитина приехала вечером из областного центра, захватив ноутбук и стопку нормативных выписок. В кафе у вокзала она слушала Киру, положив подбородок на кулак. Они дружили с института. Нина сменила юридическую фирму на общественную приёмную, Кира — три места работы, но их привычка спорить до закрытия заведения осталась прежней.

— Смотри, — сказала Нина, открывая файл. — В доме три группы владельцев: муниципальные наниматели, собственники и наследники, которые ещё не оформили право. Для коллективного решения нужно не пять человек на кухне, а законная процедура. Тебе придётся перестать быть героиней, которая всех спасает, и стать женщиной с доверенностями.

— Ты умеешь придать романтику любой деятельности.

— А ты умеешь мешать сочувствие с юридическими полномочиями. Эти люди могут не хотеть того же, что и Анна.

Кира вспомнила Тамару, спрашивавшую о школе, и Сергея, которому было некуда ставить пианино.

— Хочу хотя бы узнать, есть ли выбор.

— Тогда запроси расчёт ремонта и схему расселения. Отдельно. И ничего не прячь от инженеров. Даже если кажется, что они только этого и ждут.

Кира посмотрела в окно. На улицу выходили люди из смены: влажные воротники, пакеты с хлебом, усталые плечи. Нина заметила паузу.

— Ты что-то нашла?

— Мамин план. Там непонятная пометка о подпорке.

— И?

— Хочу сперва проверить. Вдруг это вообще не относится к нынешней трещине.

Нина сняла очки.

— Твоя мама всё записывала, потому что верила в документы. Не превращай её осторожность в оправдание для своего молчания.

— Ты могла бы один раз сказать, что я права.

— Ты права в том, что людям нужен выбор. А теперь сделай так, чтобы выбор был настоящим.

* * *

После девяти Кира вернулась на Ткацкую. У дома стояла машина аварийной службы; жёлтый свет мигалки расплёскивался по мокрой мостовой. Внутри было тихо, если не считать равномерного звука капавшей воды. У западной стены расползлось тёмное пятно. Сантехник в промокшей шапке ругался на старый стояк, не перекрывавшийся с первого раза.

Лев уже был там. В руках у него был металлический щуп; рукава куртки закатаны, на щеке полоска грязи. Он взглянул на Киру без удивления.

— До завтрашнего утра западное крыло закрываем полностью. Вода в основании узла. Я не могу гарантировать состояние кладки.

— Там четыре семьи, — сказала она.

— Знаю. Я уже проверил, кто дома.

Тамара стояла посреди коридора в домашних тапочках и растерянно держала пакет с лекарствами. У неё сломалась молния на сумке. Кира присела перед ней, помогла переложить вещи, затем взяла телефон и вызвала Нину: потребовались срочные места, а не разъяснения о правах.

Пока женщины составляли список, Лев вынес из комнаты Сергея тяжеленный футляр с инструментом для настройки пианино. Само пианино пока оставалось за ленточным ограждением; Сергей смотрел на него сквозь дверь с выражением человека, забывшего часть своей жизни в уходящем поезде.

— Можно забрать утром? — спросил он.

— Только после повторного осмотра, — ответил Лев. — Я сам помогу, если будет безопасно.

Кира ожидала от Сергея очередного оскорбления. Тот кивнул.

Когда машины увезли жильцов к временным квартирам, Кира вышла во двор и обнаружила, что продрогла до боли в пальцах. Лев молча передал ей бумажный стакан с горячим чаем.

— Хотели сказать, что я была не права? — спросила она.

— Нет.

— Вы могли бы. Сегодня ваш день.

— Это не соревнование.

Она уткнулась взглядом в стакан. На крышке продавец написал «без сахара», хотя Кира ничего не заказывала. Лев, вероятно, запомнил, как в архиве она отодвигала сахарницу.

— Откуда чай?

— В киоске у остановки. Он ещё открыт.

И только после этого они оба слышали звук — короткий удар внутри дома, словно кто-то захлопнул пустой шкаф. Лев поставил стакан на подоконник и побежал к двери. Кира уже шла следом.

За сеткой на втором этаже осыпался широкий кусок штукатурки. Из-под белой пыли выступила металлическая полоса, уходившая в кирпич.

— Вот она, — произнёс Лев едва слышно.

— Что?

— Не стена. То, на что опирается стена.

Внизу на его телефоне высветилось сообщение из архива: по запросу найдена дополнительная папка с технической приёмкой девятилетней давности. Получить можно было утром. Кира увидела на экране дату и фамилию отправителя, но не успела спросить ни о чём. Лев уже набирал номер диспетчерской службы и требовал поставить на ночь пост у закрытого входа.

Впервые за всё время их знакомства он говорил слишком быстро.

Глава 3. Чужая подпись

Утром двор напоминал место, где ожидают приговора. Вчерашняя вода схватилась тонким ледяным налётом на бордюре, хотя октябрь ещё не закончился. Под аркой стояла полицейская лента; за ней — люди с термосами, связками ключей и чемоданами на колёсиках. Запах свежего хлеба из булочной напротив казался особенно неуместным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.